

Если бы он был жив, вероятно, его товарищи отметили бы с ним в этом году и другие юбилеи: 45 лет творческой деятельности; 40 лет назад он впервые вышел к московской публике в театре "Современник"; 25 лет назад начал играть во МХАТе. О множестве его ролей в театре и кино написаны статьи, есть книга воспоминаний о нем.

Судьба подарила мне возможность в конце 50-х — начале 60-х годов почти ежедневно общаться с Евстигнеевым в московском театре "Современник", и это дает мне право поделиться с читателями некоторыми впечатлениями, которые сохраняются в моей памяти с тех далеких дней. Не знаю, излишне ли сказать, что мои воспоминания абсолютно субъективны: о грандиозном явлении не умею говорить отстраненно (объективно).

Центр мизансцены

За стенами уже глубокая ночь. Согласно строжайшей инструкции пожарной охраны, все декорации со сцены на ночь убраны, кулисы подняты вверх, горит одна-единственная голая лампочка на высоком железном штативе ("дежурка"). Сцена непривычно просторна, и на ней лишь концертный рояль.

Ушедшим вечером была премьера спектакля. Потом все пошли отпраздновать это событие в ресторан, благо он тут же, в другом крыле здания, и благо "хозяйном" там был Валя Урусов, некогда актер, служивший вместе с Ефремовым, и вообще свой человек, понимающий, что денег у всех у нас мало, а потому умевший так организовать стол для нас в этом дорогом ресторане, что и денег хватало, и все были сыты, и было очень вкусно.

А потом понемногу все переместились обратно на сцену, немногие (я в том числе) присели в зале. Усталость, расслабленность, нервы отдыхают. Тишина и покой.

Те, кто на сцене, образуют мизансцену, никем не выстроенную. Она естественна и органична, так как никто не фальшивит и не играет на публику.

Как-то незаметно из темноты начинается звучать рояль. Если быть абсолютно точным, то надо сказать, что музыка уже существовала в тишине ночи и в той непридуманной мизансцене, просто теперь Евстигнеев (а это был он), взяв тихие-тихие аккорды на роскошном черном рояле, можно сказать, начал выявлять, проявлять содержание мизансцены. Вот одна пара двинулась в медленном танце, за ней другая, третья включилась в движение музыки. А потом Сева Давыдов (актер и помощник режиссера, любитель выпить и объект добродушных подшучиваний, с безвременной кончиной которого театр потерял что-то невозможное) включил рубильник — и сценический круг с роялем, Женей, танцующими двинулся в нескончаемый путь.

И вот последний штрих: Сева подсел к роялю, а Евстигней (так его часто звали в театре), у кого-то элегантно отобрав красивую Лилию Толмачеву, повел ее в томном танце. Рыцарски и чуть небрежно. Пространство сцены стало пространством Евстигнеева.

Каким он был

Он был среднего роста, физически не слаб, чуть сутуловат, с немного непропорционально длинными руками с крупными кистями. Тяжеловатый нос, выпуклые светлые глаза. Уже тогда лысоват. Когда же он включался в действие, то вокруг него возникало пространство, законам которого подчинялось все.

Но подражать ему было нельзя, так как он был артистом выдающимся, ни на кого не похожим.

В этом человеке был редкий дар. Дар гармонии. Дар знать, что она есть, чувствовать, что она говорит нам о существенном, и наконец — дар гармонии выражать. Все это было не приобретенное, а изначально в него заложено и проявлялось как в его искусстве, так и в жизни.

Обладая таким даром, он, вероятно, мог бы стать музыкантом, но судьба определила его в актеры. Актер же — сам себе и художник, и материал, из которого этот художник творит. Евстигнеев выражал гармонию через пластику, мимику, интонации, через весь свой психофизический аппарат (так это называется

на жаргоне театра).

Я знал Женю как человека очень молчаливого, не то что скрытного, но как бы предпочитающего молча наблюдать за происходящим. Поэтому не берусь определять роль осмысления и анализа в работе (и вообще в его жизни). Этим он, похоже, никогда не делился. Думаю, что всем правила мощная интуиция.

Я наблюдал различные способы, применяемые актерами в работе над ролью. Чаще всего это, так сказать, метод "артиллерийской вилки": недостаток, перелет, попадание (только надо еще добавить и разброс по сторонам, а в результате и частое "непопадание").

Евстигнееву же интуиция и чувство гармонии не давали в работе бродить вокруг да около. Мне запомнилось, что в процессе репетиций он как бы проявлял уже существующее, но пока до времени еще плохо видимое. Может быть, это сродни моцартовскому началу в искусстве: говорят, что Моцарт видел сразу целиком музыкальное произведение, оставалось только записать виденное, сделать его слышимым для всех.

Евстигнееву же надо было только проявить уже существующее.

Неожиданное поражение

Но однажды я был свидетелем того, как обладавший даром гармонии Евстигнеев потерпел фиаско.

Опять-таки московский вечер, но на этот раз домашнее застолье (а время все то же, молодое). В компании была певица, и ее попросили показать свой талант. Крупная яркая брюнетка (кажется, она была украинка) сильно, громко и ровно запела что-то вроде "Гляжу я на небо да думку гадаю". К этому времени уже задремавший Евстигнеев приоткрыл один глаз и тупо уставился на эту "трубу". Дело в том, что артистизм Жени выражался и в том, что очень часто в его реакциях кроме, так сказать, первого (его личного) плана всегда присут-

Е. Евстигнеев в спектакле "На дне" (Сатин). В роли Актера — В. Никулин.

вовал элемент игры: он как бы показывал (с юмористическим преувеличением) реакцию некоего персонажа. Вот и сейчас вместе с Евстигнеевым обалдело смотрел еще кто-то. Любопытно, что это была игра спонтанная, ни на кого не рассчитанная, так сказать, искусство для искусства. Озорство таланта.

Тем временем Женя потянулся к гитаре, потом подсел к этой громкой даме и своей пластикой, мимикой и негромкостью аккордов, всем своим артистическим существом попытался осторожно увести ее от громкости и бессмысленности. Но мощная брюнетка, польщенная вниманием самого Евстигнеева, затрубила еще громче.

Через некоторое время Женя совсем уял.

Я надеюсь, что эти, так сказать, бытовые эпизоды уже хотя бы частично об-

Дар гармонии

9 октября 1996 года исполнилось бы 70 лет Евгению Александровичу Евстигнееву — выдающемуся актеру русского драматического театра и кино. Он скончался в ночь на 5 марта 1992 года.

рисовывают выдающегося артиста. О его ролях писали многие профессиональные рецензенты и театроведы (ни к тем, ни к другим я не принадлежу). И все-таки об одной роли решаю порассуждать.

По мере надобности

Из ролей, сыгранных Евстигнеевым в тот первый период его пребывания на московских сценах, я бы выделил работу в "Голом короле" (пьеса Евгения Шварца). Описать его короля-жениха (этот, по-моему, актерский шедевр) не берусь. Но теперь, спустя чуть ли не сорок лет со дня премьеры, для меня бесспорно, что это было художественное открытие (и это при том, что остальные его роли были одна другой лучше).

В то время "Современник" жил под лозунгом "Гражданственность". Честно говоря, мне и теперь не очень понятно содержание этого призыва. (Замечу в скобках, что со временем я понял: любя такая абстракция обычно заполняется нужным для призывателей содержанием, меняющимся по мере надобности).

Но тем не менее некоторые спектакли словно бы отвечали на очередные пар-

Е. Евстигнеев в спектакле "Голья король". В роли Принцессы — Н. Дорошина.

тийно-государственные постановления: о борьбе с хулиганством ("Два цвета"), о трудовом воспитании молодежи ("Продолжение легенды"). Был спектакль, разоблачающий агрессивность США ("Четвертый"), и о необходимости сменить плохих секретарей райкомов-обкомов на хороших ("По московскому времени"). Автор этих строк был участником всех этих спектаклей.

Детская сказочка

Спектакль же "Голья король" вообще был как-то не похож на все остальное. Начать с того, что он делался вроде бы вне репертуарного плана, да еще при этом режиссером Маргаритой Микаэлян. Репетировался он как якобы спектакль-сказочка для детских утренников. (Ну вроде бы исполнялась инструкция начальства об обязательном наличии

Евгений Евстигнеев. Конец 50-х гг.

детского спектакля в репертуаре театра).

А в результате получился ярко-театральный, темпераментный, очень смешной и очень талантливо исполненный спектакль отнюдь не для детей. Рискуя повторить затертый словесный штамп, скажу, что это был спектакль-праздник. С режиссером успех разделяли художник Борис Мессерер и композитор Эдуард Колмановский (все тогда молодые).

Почти все актеры играли замечательно, но, по-моему, двое все-таки выделялись из всех — это Виктор Сергачев (Министр нежных чувств) и Женя Евстигнеев (Король-жених). О Сергачеве скажу здесь лишь то, что и в этой ошеломляющей талантливой работе, и в ряде других (например, жених в фильме Алова и Наумова "Скверный анекдот" по Достоевскому) он демонстрировал ни в какие театральные школы не укладывающееся искусство парадокса, смещения и вообще отмену многих театральных банальностей.

Но сегодня речь о Евстигнееве.

«Против греха, но не против человека»

Как я понимаю, еще до самиздатских (а может быть, и тамиздатских) работ, описавших советскую систему как сколок с уголовой, мафиозной структуры с "паханом" ("крестным отцом") во главе, актер Евстигнеев сыграл все это на сцене. Его король-жених был именно таким "паханом", и эту работу можно рассматривать как художественное исследование социально-политического феномена XX века. Я думаю, что тут сработала совершенно уникальная интуиция актера: что-то подсказывало обладавшему абсолютным слухом Евстигнееву единственно верные решения в раскрытии шварцевского персонажа. Может быть, он слышал то, что ускользало от внимания других.

Но мне представляется, что актер в этой роли достиг гораздо большего. Этот король-уголовник был по-евстигнеевски обаятелен, и в персонаже удивительно сочетались противоположности. Так, грязный по-

хабчик, влюбившись в прелестную принцессу на горошине (ее озорно, с блеском играла Нина Дорошина), вдруг становился беззащитно наивен, а циничный хулиган, обманутый ткачами, не видя на себе в зеркале обещанных новых одежд, чуть не плакал от обиды: все видят (вокруг только и слышно: "Пышно и благородно!"), а он не видит! Абсолютно детская трогательная реакция.

Опять-таки, вероятно, чуткая интуиция подсказывала актеру не останавливаться на социальном аспекте роли, а войти в ту сферу, где властвует закон, сформулированный апостолом Павлом: против греха, но не против человека. Многие поступки короля были отвратительны, но Евстигнеев щедро поделился с ним своими личными качествами. А не симпатизировать Жене было нельзя.

Конечно, новым зрителям предстоят свои радости, но неизменно грустно, что никогда уже никто не увидит того короля-жениха.

«Там на пустыре...»

Как-то уже в конце 60-х годов смортели мы в "Современнике" спектакль "На дне". Одна сцена осталась в памяти на всю жизнь.

Ушел (почти уполз) со сцены Актер Сатин (его играл Евстигнеев) засыпает в пьяном тумане. Наступает глубокая тишина. И вдруг Сатин резко приподнимается, в его глазах тревога, почти испуг: случилось что-то страшное, непоправимое. Он пытается понять, но вокруг по-прежнему тихо. Так и не осознав причины тревоги, не успокоенный обманчивой тишиной, Сатин вновь забывается в пьяном сне.

Сатин не ошибся, случилось непоправимое, и персонаж, наделенный Евстигнеевым чуткой интуицией, почувствовал, что в мире произошла катастрофа космического масштаба. Мы же (зрители) только в конце спектакля услышим: "Эй, вы, там на пустыре Актер удавился..."

Прощай

Последний раз я увидел Женю во второй половине 80-х, когда в Париже МХАТ играл "Чайку". Играли "кто в лес, кто по дрова" (одна лишь Таня Лаврова в роли Аркадиной, пригласившая нас с женой на спектакль, была живая, но это не спасало спектакля). Дорн, которого играл Евстигнеев, был виден как сквозь тусклое стекло, вероятно, актер был или болен, или очень устал. И вообще было непонятно, зачем его включили в эту развалюху, могли бы и побереж.

По окончании мы подошли к актерскому выходу поблагодарить Лаврову. Начали выходить актеры (почти все наши бывшие коллеги), которых мы не видели лет десять. А время было непонятное: не то свободу разрешили, не то не очень. Кто-то подходил поздороваться, другие же "не узнавали". К тому же слышался настойчивый голос: "Товарищи, садитесь в автобус".

Вышел Женя. Заулыбался. Подошел. "Ну, как вы тут?" — "Нормально. А ты как там?" — "Нормально".

Поулыбались. Простились. Прошло несколько лет. Из сообщения радио узнали, что в тот вечер мы простились навсегда. Женя Евстигнеев скончался в ночь на 5 марта 1992 года.

Многое в мире и, в частности, в искусстве видеть совсем не обязательно, но я завидую сам себе, что был современником такого уникального таланта и имел счастье видеть вблизи и по многу раз работы Евстигнеева.

Светлая ему память.

ЛЕВ КРУГЛЫЙ

Париж

17.10.96
Евстигнеев Е.В.